

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-25>

Локальная культура усть-цилемских старообрядцев в 1930-е годы XX века

Дарина Леонидовна Абукаева

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Россия,

abukaeva.darina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается культура 1930-х годов усть-цилемских старообрядцев-беспоповцев как локальная версия их повседневной культуры с позиций «типичного», «специфичного» и «особенного, единичного», где «типичным» является российское беспоповское старообрядчество, «специфичным» — староверская культура коми беспоповского согласия, а «особенным, единичным» — повседневная культура усть-цилемских староверов-беспоповцев. Несмотря на важность усть-цилемского ареала, его культура не привлекала особого внимания советских исследователей, культурологический аспект изучения данного материала разработан недостаточно и сегодня. Целью данного исследования является актуализация локальной культуры усть-цилемских старообрядцев на примере короткого

исторического отрезка — 1930-е годы. Данный период интересен как время кризисного столкновения традиционных старообрядческих ценностей и зарождающейся культуры советской эпохи. Научный анализ обозначенной темы осуществляется с позиций феноменологического, культурологического и сравнительного подходов.

Итоги исследования: определены особенные для локальной культуры усть-цилемских старообрядцев характеристики: 1) «мессианский» характер, выразившийся в проповеднической деятельности старообрядцев на значительной территории Коми края, что позволило сохранить культурные основы старообрядчества, в том числе и в советскую эпоху; 2) упорное публичное или скрытое игнорирование советских нововведений. Это способствовало сохранению в усть-цилемской локальной культуре особенных элементов духовно-обрядовой практики.

Ключевые слова: старообрядчество, Усть-Цильма, усть-цилемские старообрядцы, беспоповское согласие, культура повседневности, локальная культура

Для цитирования: Абукаева Д. Л. Локальная культура усть-цилемских старообрядцев в 1930-е годы XX века // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 25–39. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-25>

Local culture of Ust-Tsilma Old Believers in the 1930s of the 20th century

Darina L. Abukaeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
abukaeva.darina@mail.ru

Abstract. *The article examines the culture of the 1930s Ust-Tsilemsky Bespopov Old Believers as a local version of their everyday culture from the perspective of “typical”, “specific” and “special, singular”, where “typical” is the Russian Bespopov Old Believers, “specific” is the Old Believer culture of the Komi Bespopov consent, and “special, singular” — the daily culture of Ust-Tsilemsky Bespopovtsy Old Believers. Despite the importance of the Ust-Tsilemsky area, its culture did not attract much attention from Soviet researchers, and the cultural aspect of studying this material has not been sufficiently developed today. The purpose of this study is to actualize the local culture of the Ust-Tsilemsky Old Believers using the example of a short historical period — the 1930s. This period is interesting as a time of crisis cultural clash of traditional Old Believer values and the emerging culture of the Soviet era. The scientific analysis of the designated topic is carried out from the standpoint of phenomenological, cultural and comparative approaches. Research results: the characteristics of the Ust-Tsilemsky Old Believers, which are special for the local culture, have been identified: 1) the “Messianic” character, expressed in*

the preaching activities of the Old Believers in a significant area of the Komi region, which made it possible to preserve the cultural foundations of the Old Believers, including in the Soviet era; 2) persistent public or covert disregard for Soviet innovations. This contributed to the preservation of special elements of spiritual and ceremonial practice in the Ust-Tsilem local culture.

Keywords: *Old Believers, Ust-Tsilma, Ust-Tsilemsky Old Believers, Bespopovskoye accord, culture of everyday life, local culture*

For citation: Abukaeva D. L. Local Culture of Ust-Tsilma Old Believers in the 1930s of the 20th century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 25–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-25>

Введение. В настоящее время актуальной является проблема сохранения отечественных культурных традиций как фундаментальных основ российской государственности, исторической и культурной преемственности последующими поколениями. В российской культурной мозаике важное место занимают региональные и локальные культуры. В данном контексте локальная культура усть-цилемских старообрядцев 1930-х годов представляет культурный капитал — «духовно-эстетическое и интеллектуальное коллективное и персональное культурное наследие» [1].

Новизна данного исследования заключается во введении в научный оборот архивных материалов 1930-х годов, таких как отчеты и доклады об экономическом состоянии района и процессе коллективизации, а также письменный отчет к отчетному докладу райисполкома на 3-м районном Съезде Советов.

Методы исследования. В работе использовались феноменологический, культурологический и сравнительный подходы. С позиции феноменологического подхода повседневная жизнь старообрядцев Усть-Цильмы рассматривается как уникальное явление, характеризующееся рядом неповторимых качеств, что позволяет классифицировать ее как локальную самобытную культуру. Культурологический подход предполагает рассмотрение культуры усть-цилемских старообрядцев в качестве стержневой в понимании и объяснении регионального самосознания и жизнедеятельности жителей этой территории. Сравнительный подход, в свою очередь, дает возможность выделить типичные, специфичные и особенные характеристики локальной культуры усть-цилемского старообрядчества.

Теоретическая база. Культура повседневности старообрядцев Усть-Цильмы советского периода долгое время была малодоступной для изучения, так как действовал запрет на изучение нижнепечорского староверия, который «был полностью снят только в начале 90-х годов XX века» [2].

Отметим, что со второй половины XX века Усть-Цилемский район начал активно исследоваться историками, филологами и фольклористами, появились работы В. И. Малышева, Ю. В. Гагарина, позже — Т. И. Дроновой, Т. С. Каневой и др. Однако при анализе уникальности повседневности жителей этой территории доминировал историко-фактологический, а не культурологический подход в совокупности предмета, методов и специфики научного изыскания.

Результаты исследования и их обсуждение. Усть-Цилемский район, расположенный в северо-западной части Республики Коми, выделился в июле 1929 года из бывшего Печорского уезда Архангельской губернии. По состоянию на 1931 год он включал 96 населенных пунктов, расположенных по берегам реки Печоры и ее притокам Нерице, Пижме и Цильме [3, с. 146].

Население этого района, расположенного почти у самого полярного круга, в прошлом было полностью старообрядческим. Об этом пишет В. И. Малышев: «...по Пижме и Цильме не имелось ни одной “мирской”, или “православной”, деревни, как принято называть здесь села с “никонианским” населением» [4]. Их не было также по Печоре, в селениях вверх и вниз от Усть-Цильмы.

Староверие зародилось здесь при активном участии выговцев. Выговское общежитие являлось центром самостоятельного течения в беспоповщине — поморского согласия, его авторитет был исключительно высок во всем старообрядчестве [5]. В первой половине XVIII века поморские общины существовали на всей территории России — Москве, Санкт-Петербурге, Поволжье (Ярославль, Керженец, Саратов), Стародубье. Поморцы встречались в Верхотамье, на Урале и в Западной Сибири. В XIX и XX веках в поморское согласие перешел ряд больших федосеевских общин Ленинграда, Псковской, Новгородской областей, Поволжья, Прибалтики. Таким образом, «в советское время поморцы стали самым многочисленным беспоповским согласием» [6].

Бассейн нижней Печоры является самым ранним староверческим беспоповским поморским (даниловским) центром. Усть-Цилемский культурный ареал оказал большое влияние на распространение и утверждение староверия на средней и верхней Печо-

ре. Согласно современному административно-территориальному делению, места компактного проживания староверов по р. Печоре — Усть-Цилемский, Троицко-Печорский, Вуктыльский и Печорский районы [7, с. 9]. В середине XVIII века староверие распространилось также в Усть-Куломском и Удорском районах.

Распространению старообрядчества в Усть-Цилемском районе способствовало несколько причин, основными из которых являлись труднодоступность местности, оторванность от культурных центров, а также близкое соседство с Пустозерском — городом, где казнили известного борца за «старую» веру протопопа Аввакума. В таких условиях старообрядчество находило благоприятную почву для своего развития и существования.

Типичным для устьцилемов, как и для старообрядцев-беспоповцев всех регионов, являлась идея об уже совершившемся воцарении Антихриста и вытекающее отсюда убеждение в прервавшейся благодати священства и прекращении церковной иерархии [8]. Однако вместо священства беспоповцы вводят наставничество, избрание в которое проводилось по положениям, изложенным в правилах Кормчей книги [9].

Этноконфессиональная устойчивость усть-цилемских старообрядцев беспоповского согласия объясняется тем, что, несмотря на проживание в условиях иноэтнического окружения (с севера граничили с ненцами, с юга — коми-ижемцами), они крайне ограничивали этнокультурные взаимоотношения с соседями. Вот почему их локальная традиционная культура является маркером данной этноконфессиональной группы.

Важной особенностью усть-цилемской локальной культуры был ее «мессианский» характер: наставники Усть-Цильмы занимались проповеднической деятельностью на территории Коми края. В 1960–1970-е годы Ю. В. Гагарин отмечал: «Начётчики с Пижмы и Усть-Цильмы месяцами жили на средней и верхней Печоре, пропагандируя старообрядчество и занимаясь требоисполнением среди местного населения» [10, с. 169–170]. Пижемские духовники проповедовали на Вашке, где благословляли удорских крестьян в наставническую должность [11, с. 62].

Мировоззрение старообрядцев в 1930-е годы XX века развивалось в непростых условиях, характеризующихся гонениями и антирелигиозной политикой государства. Поэтому традиционная старообрядческая культура выступала не только нравственной ценно-

стью, способствующей сохранению этнокультурной идентичности, но и необходимостью, которая помогала выжить.

Изучение культуры повседневности, понимаемой как «совокупность в той или иной степени регулярно повторяющихся, упорядоченных, регламентированных форм деятельности человека, обеспечивающих удовлетворение материальных и духовных потребностей индивидуума, семьи и общества в целом, но не приводящих к серьезным изменениям материальной и духовной культуры» [12, с. 79], позволяет рассмотреть основные аспекты жизнедеятельности усть-цилемских старообрядцев как фундаментальные основы устойчивости и сохранности их локальной культуры.

В это время старообрядческая идеология по-прежнему занимала господствующее место в мировоззрении местных старообрядцев, несмотря на то что в обществе наметился значительный крен в сторону насаждения светскости и антиклерикальности. Повседневная жизнь староверов Усть-Цилемского района продолжала сохранять свои «особенные» черты. Наиболее ярко они проявлялись в духовных структурах повседневности: семье, воспитании детей, времяпровождении, трудовой культуре.

По-прежнему типичным для того времени было иметь большую семью, в которой соблюдались не только церковные правила, но и нравственные устои, такие как почитание старших, послушание, помощь и т. д. В Усть-Цилемском районе численность детей в семьях иногда доходила до 7–10 человек. Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов отмечал: «Ну, однакие были тогда семьи крупные. По восемнадцать человек выйдут на кошенину из одной семьи» [13]. Каждый член семьи, включая детей, знал свои права и обязанности, должен был выполнять порученную работу. Массовому осуждению подвергались те, кто отдыхал днем, за исключением маленьких детей и пожилых людей.

При заключении брака усть-цилемские старообрядцы руководствовались правилами Кормчей, общими и церковного венчания: единое вероисповедание, отсутствие плотского и духовного родства, добровольное согласие на вступление в брак, благословение родителей [14, с. 8–9]. Немаловажным оставалось и мнение односельчан: родители могли передумать, если репутация будущего жениха или невесты была несоответствующей. Время вступления в брак строго обговаривалось. Запрещалось проводить свадебный обряд в посты, поминальные (родительские) недели и на Радонице, в святки, на Масленицу, в церковные праздники и воскресные и

праздничные дни, среды и пятницы. Подходящим для брака временем считались осенний и зимний мясоеды.

Однако в советский период венчание в церкви для усть-цилемских староверов не являлось обязательным условием вступления в брак. Атеистическая пропаганда, закрытие церквей, отдаленность и труднодоступность некоторых деревень приводила к тому, что некоторые старообрядцы создавали свои семьи неофициально. Вступление в брак без венчания не осуждалось и деревенским сообществом. Чтобы вступить в брак, достаточно было попросить благословения у родителей, поскольку благословленный родителями брак разрешался у староверов. Половые отношения в благословленном браке считались «Божьим делом» [14, с. 76].

Дети в старообрядческом сообществе также считались Божьим благословением. Женщину в первую беременность старались беречь от тяжелой работы в отличие от последующих беременностей, когда ей приходилось работать до самых родов и зачастую рожать на месте работы: в поле или других местах. Обычно роды принимали в бане, обладающей сакральными смыслами и гигиеническими условиями. Место родов предварительно готовилось самой роженицей или ее родными. Часто для помощи в родах приглашалась повитуха, имеющая знания в области народной медицины, а также определенные религиозные и магические заговоры.

Детей рано начинали приобщать к вере. Как вспоминает А. В. Семенова, «меня с раннего возраста обучали молитвам, молилась с бабушкой и тетей». Воспитание строилось на основе страха Божьего. Например, того, кто стирал одежду или мыл дом в церковные и воскресные дни, пугали тем, что на том свете ему придется эту воду пить. Также с этого возраста ребенка начинали и наказывать, часто с помощью вицы. Считалось, что рукой ребенка можно покалечить, тогда как «вица не вередит, а на ум наставит» [Там же].

Крестили детей наставники в моленных, в домах или на реке. Староверы серьезно относились к крещению, воспринимая его как духовное рождение и обретение Божьей защиты. С 1930-х годов обряд крещения начали проводить не только мужчины-наставники, но и женщины, хотя и с некоторыми исключениями, например, женщине было запрещено чтение Евангелия на службе. Такая замена объяснялась тем, что к концу 1930-х годов многие наставники подверглись репрессиям или находились на нелегальном положении. Поэтому впоследствии стал широко распространен инсти-

тут «наставниц» — женщин, руководящих общинами за отсутствием наставников-мужчин.

Вопреки активной атеистической пропаганде немалое количество старообрядцев, особенно пожилых, продолжало придерживаться старых обрядов, игнорировать культурные мероприятия и негативно воспринимать технические нововведения. Они отказывались нянчить некрещенных внуков, родители которых попадали под влияние атеистической идеологии.

В 1930-е годы повсеместно стала расти роль народного образования. Основной упор в этой области был сосредоточен на ликвидации неграмотности. В районе вводилось всеобщее обучение и создавалась широкая сеть школ повышенного типа [15, с. 113].

В 1929–1930 годах в районе насчитывалось 17 школ первой ступени, где обучалось 769 детей. Действовала также и школа рабочей молодежи [16, с. 155]. Также в это время открылась районная колхозная школа, в которой готовили сельскохозяйственные кадры. Увеличение числа учреждений народного образования было связано с ростом заинтересованности жителей района в обучении.

Согласно архивным данным, количество детсадов и школ в районе с каждым годом существенно росло. Так, в 1930 году насчитывалось шесть детских садов, 25 школ первой ступени и одна школа повышенного типа [15, с. 113]. А уже в 1932 году в районе насчитывалось 19 детских садов, 34 школы первой ступени и три школы повышенного типа [15, с. 113]. К концу 1930-х годов в Усть-Цилемском районе насчитывалось 35 начальных и шесть неполных средних школ [16, с. 155]. В разных деревнях школы функционировали, как правило, в частных домах. Так, в начале 30-х годов в д. Мыза открыли школу в частном доме. В ней обучали грамоте учеников от 12 до 40 лет, поскольку многие из них не умели даже расписываться.

Несмотря на рост образовательных учреждений и высокую заинтересованность жителей района в обучении, имелись также и некоторые трудности: недостаточное качество обучения из-за нехватки школьных зданий и отсутствия местных кадров; низкий процент молодежи, поступающей в средние и высшие учебные заведения; недостаточный охват детей дошкольными учреждениями; отсутствие систематической и широкой культурно-просветительской работы среди крестьянского населения.

Еще один парадокс заключался в том, что посещаемость школ в 1930-е годы стала падать, что объяснялось негативным отношением старообрядцев района к мероприятиям советской власти. Так,

еще в 20-е годы наставники активно препятствовали культурным преобразованиям в деревне. «Нардом» (народный дом), читальня, ликпункт (пункт по ликвидации неграмотности) были объявлены «антихристовыми изобретениями» [10, с. 255].

Наряду с преобразованиями в 1930-е годы происходили жесточайшие процессы раскулачивания. Печорский край становится приютом для многих сотен политических ссыльных и репрессированных жителей из разных регионов Советского государства [16, с. 174]. Решением административной комиссии НКВД в 1923 году Коми область и Печора были определены как регионы для проживания административно высланных [16, с. 93].

В начале 1930-х годов репрессиям подверглись и старообрядцы района. По состоянию на 1932 год в Усть-Цилемском районе имелись следующие категории заключенных, спецпереселенцев и ссыльных: высланные в административном порядке (1 083 человека), спецпереселенцы (1 573 человека), местный «контрреволюционный и антисоветский элемент» (13 человек); местное население составляло 13 038 человек [16, с. 133]. Спецпереселенцы формально не были репрессированы и не лишались свободы, но фактически были таковыми, так как лишались основных гражданских прав, например избирательного права и права на свободу передвижения. Одним из таких поселков в Усть-Цилемском районе стал Новый Бор, в котором отбывали ссылку люди из разных областей России.

В 1930-е годы происходила также коллективизация сельского хозяйства, что приводило к формированию новой организации культуры труда. Влияние коллективизации на традиционную старообрядческую общину было более разрушающим, чем антирелигиозная политика 1930-х годов [17]. Население предупреждали: не записавшиеся в колхоз будут приравнены к кулакам. Люди оказывались перед выбором: «или ты теряешь имущество, отдав колхозу, или теряешь все и жизнь в результате раскулачивания» [16, с. 63–64]. С. А. Носов писал: «Колесница мучения как годового периода на земле. Почему я рвал на себе одежду. Непочитание седьмого дня в недели нарушило в жизни не пользоваться своим трудом более семи лет ни в чем. Особенно ясно с 1925 г. по 1931 г. Все взято и все кончилось тем, что записали на бумагу паевые по цене 60 рублей корова, было их 6, и две лошади рабочие малость подороже, хлев, коридор длина 18 аршин, ширина 13, на нем повесть вмещалась сена до 100 куч, амбар, были и расчистки сенокосные на всего скота с молодняком. Последние взяты как земля государственная, бесплат-

но, но и уплата паевая ни во что же превратилась. Помнится, что 60 процентов подлежали в неделимые фонды; когда пришел получать паевые, то деньги обесценились и получилось, корова и килограмм масла равны. Как это назвать, всякому понятно» [18, с. 340–341].

Коллективизация нарушила экономическую базу старообрядческой сельской общины, в колхозах было труднее соблюдать религиозные и бытовые предписания старообрядческой веры. Требования работать в воскресенье и во время православных праздников делали практически невыполнимыми традиционные ритуальные таинства. В 1930-е годы сокращается размах религиозных празднеств и меняется их содержание. Праздники отмечались больше по традиции, нежели в силу религиозных убеждений. Ослаблению роли религиозных праздников в жизни старообрядцев способствовала также и организация массовых субботников, проводимых в эти дни.

Несмотря на тяжелые трудовые будни, усть-цилемские старообрядцы, а особенно молодежь, все же находили время для отдыха. В те времена повсеместно создавались избы-читальни, которые выступали центром культурной жизни в деревнях. В 1930-х годах в районе насчитывалось девять изб-читален [3, с. 146]. Повсеместно происходило закрытие церквей, помещения отдавались под культурно-просветительские и хозяйственные нужды. В бывших церквях устраивались молодежные вечера. Из 151 функционирующего до революции храма в Коми АССР к 1939 году не осталось ни одного [19, с. 51].

В создаваемых культурно-просветительских учреждениях проводились танцевальные вечера под гармошку, демонстрировались фильмы, организовывались театральные выступления. В 1930 году впервые в Усть-Цилемском районе было показано немое кино в д. Степановской. В 1935 году в Пижемской избе-читальне (клубное учреждение, центр культурно-просветительской работы в деревнях и сёлах СССР) появилось радио. В 1937 году открылась Пижемская сельская библиотека. Культурная жизнь на селе стремительно развивалась.

Значимым праздником среди местных жителей оставалась Усть-Цилемская горка. Это народно-хороводное гуляние, живой памятник древнерусской культуры, который остается актуальным на протяжении нескольких столетий. Однако в советский период наблюдалось уменьшение количества дней горочных гуляний, что связывалось с угасанием интереса молодежи к данному праздни-

ку. Причиной этому являлось активное вовлечение молодых людей в комсомольскую жизнь и ориентирование на социалистические ценности.

Заключение. Таким образом, локальная культура усть-цилемского беспоповского старообрядчества несла в себе как типичные (присущие представителям всего российского беспоповского старообрядчества), так и специфичные (характерные для коми старообрядцев-беспоповцев) и особенные черты.

По сравнению с другими староверческими центрами России особенность усть-цилемской старообрядческой культуры заключалась в проповеднической деятельности наставников не только на территории Усть-Цилемского района, но и в других районах Коми края, что позволяло сохранять и распространять основы старообрядческой веры.

Советская действительность, безусловно, внесла свои коррективы в духовно-обрядовую практику староверов Усть-Цильмы. Однако местные жители старались сохранить древнерусские традиции, порой игнорируя трудности советской эпохи. Так, до наших дней сохранилась Усть-цилемская горка — праздник, способствующий преемственности национального и регионального самосознания, а также сохранению региональной идентичности потомков северного поморского старообрядчества.

Усть-Цилемские старообрядцы сумели сохранить древнерусский дух в непростых условиях советского времени. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца хоть и претерпела изменения, но, как и прежде, строилась на основе религиозных правил, обрядов и нравов предков. Все это дает основание рассматривать локальную культуру усть-цилемских староверов как культурный феномен с уникальным набором поведенческих стереотипов и артефактов.

Список источников

1. Казакова Г. М. Культурный капитал, культурные индустрии и индустрии культуры: понятийные поиски // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kapital-kulturnye-industrii-i-industrii-kultury-ponyatiynye-poiski> (дата обращения: 01.10.2023).
2. Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX — XX в.). URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dronova/text.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

3. Отчеты и доклад об экономическом состоянии района и коллективизации // Нац. арх. Республики Коми. Р-94. Оп. 1. Ед. хр. 53.
4. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII-XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. URL: http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/17_tom/Malyshev/Malyshev.pdf (дата обращения: 29.09.2023).
5. Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/78246.html> (дата обращения: 15.10.2024).
6. Русская вера: старообрядческий сайт. URL: <https://ruvera.ru/dpc> (дата обращения: 15.10.2024).
7. Дронова Т. И. Действующие староверческие общины в Республике Коми (последняя четверть XX — XXI в.) // Староверие на северо-востоке европейской части России : сб. ст. Сыктывкар, 2006. С. 9–21.
8. Швец А. С. Рождение старообрядчества как феномена русской культуры // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32731552_83841531.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
9. Дронова Т. И. Духовные руководители старообрядческих общин на нижней Печоре: избрание и деятельность (середина XIX — XXI в.) // Этнографическое обозрение. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30753724_59059121.pdf (дата обращения: 03.10.2023).
10. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 323 с.
11. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. 172 с.
12. Сатаев Р. М. Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 73–82.
13. Записи Н. И. Савушкиной в 1978 г. // АКФ МГУ. ФЭ-12: 4-6-1978. Т. 147. С. 0483. № 15. URL: <https://territory.syktsu.ru/nosovsa/folklore/past-tale/> (дата обращения: 15.10.2024).
14. Дронова Т. И. Представления о супружеских отношениях в культуре староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. № 2 (16). С. 76–83.
15. Письменный отчет к отчетному докладу райисполкома на 3-м районном Съезде Советов // Нац. арх. Республики Коми. Р-94. Оп. 1. Ед. хр. 175.
16. Рочева Л. К. Усть-Цильма: на заре новой жизни (1917–1939). Сыктывкар: КРТ, 2021. 184 с.
17. Коровушкина-Пярт И. П. Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание. URL: <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/2768/1/pristr-04-09.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

18. Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 422 с.

19. Гагарин Ю. В., Жеребцов Л. Н. Быт и культура села. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 171 с.

References

1. Kazakova G. M. Cultural capital, cultural industries and cultural industries: conceptual searches. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie Vestn.* [Tomsk State University. Cultural studies and art history]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kapital-kulturnye-industrii-i-industrii-kultury-ponyatiynye-poiski> (accessed: 01.10.2023). (In Russ.)

2. Dronova T. I. *Russkie starovery-bespopovcy: konfessional'nye tradicii v obryadah zhiznennogo cikla (konec XIX — XX v.)* [Russian Old Believers-bespopovtsy: confessional traditions in life cycle rituals (late 19th — 20th centuries)]. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/dronova/text.pdf> (accessed: 30.09.2023) (In Russ.)

3. Reports and a report on the economic condition of the district and collectivization. *Nac. arh. Respubliki Komi* [National Archives. Komi Republic]. P-94. Op. 1. Ed. hr. 53. (In Russ.)

4. Malyshev V. I. *Ust'-Cilemskie rukopisi XVII-XIX vv. istoricheskogo, literaturnogo i bytovogo soderzhaniya* [Ust-Tsilemsky manuscripts of the XVII-XIX centuries. historical, literary and everyday content]. Available at: http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/17_tom/Malyshev/Malyshev.pdf (accessed: 29.09.2023). (In Russ.)

5. *Pravoslavnaya Enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/78246.html> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.)

6. *Staroobryadcheskij sajt «Russkaya vera»* [The Old Believers' website "Russian Faith"]. Available at: <https://ruvera.ru/dpc> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.)

7. Dronova T. I. Active Old Believer communities in the Komi Republic (the last quarter of the XX-XXI centuries). *Staroverie na Severo-Vostoke evropejskoj chasti Rossii: sbornik statej* [Old Believers in the North-East of the European part of Russia]. Syktyvkar, 2006. Pp. 9–21. (In Russ.)

8. Shvets A. S. The birth of Old Believers as a phenomenon of Russian culture. *Social'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noj samorealizacii* [Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization]. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32731552_83841531.pdf (accessed: 12.10.2023). (In Russ.)

9. Dronova T. I. Spiritual leaders of the Old Believer communities on the Lower Pechora: election and activity (mid-19th — 21st centuries). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30753724_59059121.pdf (accessed: 03.10.2023). (In Russ.)

10. Gagarin Yu. V. *Istoriya religii i ateizma naroda komi* [History of religion and atheism of the Komi people]. Moscow: Nauka, 1978. 323 p. (In Russ.)

11. Vlasova V. V. *Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obryadovoj zhizni* [Old Believer groups of Komi: confessional features of social and ceremonial life]. Syktyvkar: KSC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. 172 p. (In Russ.)

12. Sataev R. M. The use of the concepts of «life support», «everyday culture» and «culture of everyday life» in relation to the study of societies of the historical past. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2018. No 1. Pp. 73–82. (In Russ.)

13. Note by N. I. Savushkina in 1978]. *AKF MGU* [AKF MSU]. FE-12: 4-6-1978. Vol. 147. P. 0483. No. 15. Available at: <https://territory.syktsu.ru/nosovsa/folklore/past-tale/> (accessed: 10.15.2024). (In Russ.)

14. Dronova T. I. Ideas about marital relations in the culture of Ust-Tsilma Old Believers-Bespopovites. *Tomskij zhurnal LING i ANTR* [Tomsk Journal of LING and ANTR]. 2017. No 2 (16). Pp. 76–83. (In Russ.)

15. Written report to the report of the district Executive Committee at the 3rd District Congress of Soviets. *Nac. arh. Respubliki Komi* [National Archives. Komi Republic]. P-94. Op. 1. Ed. hr. 175. (In Russ.)

16. Rocheva L. K. *Ust'-Cil'ma: na zare novoj zhizni (1917–1939)* [Ust-Tsilma: at the dawn of a new life (1917–1939)]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2021. 184 p. (In Russ.)

17. Korovushkina-Pyart I. P. *Staroobryadchestvo Urala v gody stalinskoj «revolyucii sverhu»: repressii, protest i vyzhivanie* [The Old Believers of the Urals during Stalin's "revolution from above": repression, protest and survival]. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2768/1/pristr-04-09.pdf> (accessed: 10.09.2023). (In Russ.)

18. *Pechorskij staroobryadcheskij pisatel' S. A. Nosov: videniya, pis'ma, zapiski* [Pechora Old Believer writer S. A. Nosov: visions, letters, notes]. Ready. text, introduction and notes by M. V. Melikhov. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2005. 422 p. (In Russ.)

19. Gagarin Yu. V., Zherebtsov L. N. *Byt i kul'tura sela* [Life and culture of the village]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1968. 171 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Абукаева Дарина Леонидовна, аспирант Института культуры и искусства, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Information about the author

Abukaeva Darina L., postgraduate student of the Institute of Culture and Art, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	09.09.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	16.01.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	15.02.2025

Научная статья / Article

УДК 75:7.079

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-39>

Фестиваль искусства акварели: опыт классификации

Ольга Анатольевна Ваткова

Профессиональная гимназия по механоэлектротехнике,
Плевен, Болгария,

ovatkova@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5949-2906>

Аннотация. *Сегодня фестиваль акварели является динамично развивающейся культурной формой художественной жизни во всем мире. Это явление новое, неустоявшееся, поэтому неисследованное. В связи с почти полным отсутствием научных работ, посвященных фестивалю акварели, возникает много вопросов, которые до настоящего времени не становились объектом теоретического анализа. Одним из таких вопросов является классификация акварельных фестивалей. В условиях значительного многообразия фестивалей и других видов культурных событий проблема классификации фестивалей акварели видится актуальной. Автором впервые предлагается решение исследуемой проблемы. Дается авторское определение термина «фестиваль акварели». В результате анализа источников сделаны выводы о том, что, во-первых, отсутствуют работы, посвященные классификации фестивалей акварели, во-вторых, фестивали акварели могут быть классифицированы по аналогии с другими фестивалями. Цель статьи — разработать классификацию фестивалей акварели, определить их виды. Это позволит теоретически объединить все многообразие акварельных фестивалей, состоявшихся в разных странах в XXI веке.*

Методами исследования выступили теоретический анализ литературы, системный подход, метод классификации. Эмпирическими мето-